

An impressionistic landscape painting. The foreground is dominated by a dense field of sunflowers, rendered with thick, textured brushstrokes in various shades of yellow and gold. The middle ground shows a rolling green hill with patches of purple and pink, suggesting a field of wildflowers or a specific type of vegetation. The background features a bright blue sky with visible brushwork and a small cluster of trees on a distant hill. The overall style is expressive and vibrant.

ПОДСОЛНУХИ

Мария Толмачёва

18+

Мария Алексеевна Толмачёва

Подсолнухи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55542917

SelfPub; 2020

Аннотация

История юной девушки, которая знакомится с молодым человеком в интернете. Её страсть и глубокая привязанность к нему приводят к необратимым последствиям. Грань между реальной жизнью и фантазиями девушки постепенно стирается, создавая массу неразрешимых вопросов...

Глава

I

Это произошло очень стремительно. Никогда я бы не подумала, что жизнь меняется так быстро и бесповоротно.

Мы переписывались так много, что я забывала, что нужно поесть или сделать уроки. Я днями лежала в кровати и печатала сообщения в соцсетях. Везде, где только можно было поддерживать общение с человеком, живущим за несколько сотен километров. Нельзя так влюбляться.

Мой жизненный путь начался далеко на северо-востоке России. Я прожила несколько лет там, где летний пейзаж – горы, а зимний – заснеженный горы; там, где в холод вы носите шапку-ушанку, перемотав лицо шарфом, а в минус двадцать – всё та же экипировка, но шарф можно на глаза не натягивать. Из нашего окна картина не менялась всё это время – Тихий океан. С берега он, правда, казался тихим, но моряки так не считали. Ещё с рождения я была погружена в массу историй о том, как люди, уходя в этот океан, прощались с близкими навсегда. Потому что родные не возвращались. Что же их тянуло туда? Мне никогда не было понятно. Но я точно знала одно. Вода нашего залива была такая кристально-прозрачная потому, что была вся промёрзшая промозглым ветром и запахом смерти из-за горизонта; такая солёная, потому что каждый день у берега стояло не одно ревающее семейство; чьи-то слёзы замерзали у них же на щеках, а чьи-то, чаще детские, ручьями питали Ненасытный океан.

Я так его и называла.

Потом мы переехали в Москву. Там было тепло и почти не было снега. Нам не приходилось откапывать подъезды, как раньше, и есть оленину. Оказалось, что мясо других животных нежнее и вкуснее. Тут не было океана, поэтому люди плакали в другое прозрачное стекло – в витрины магазинов. Почему? Я долго понять не могла. Но женщины выпрашивали у мужа вон ту кофточку, а дети – вот эту конфетку. Странные люди. Они совсем не ценили того, что им было предоставлено. Счастье лежало у них прямо под носом, но никто его не замечал, потому что хотел большего. Но, что может быть больше, чем счастье? Счастью, наверное, было больно видеть такое. Здесь часто шли дожди и все ходили хмурые или возмущённые, но стоило выти солнцу – люди становились весёлыми и мчались на работу с таким выражением, словно это их единственная радость в жизни.

Спустя десяток лет мы переехали южнее. Здесь, правда, было хорошо. Летом – жара, осенью – лето, зимой – среднего размера сугробы и не крепкие морозы, а весной – снова лето. В течение пяти лет жизни здесь я понимала, что мне чего-то не хватает.

Не было здесь родины. Не было холода и милых, приветливых людей. Да, здесь была вода – водохранилище и река. Но люди приходили к этой воде веселиться. Хотя чему было радоваться? Вода мутная и грязная, не то холодная, не то тёплая – не понятно; течение сбивает растительность с бере-

гов прямо на тебя, и, выходя из воды, остаёшься в кольчуге из водорослей и лягушечьей кожи.

Словом, я поняла, что мне нужен этот холод Ненасытного океана. Но где взять столько холода в этом жарком месте? Ответ не заставил себя долго ждать. Люди. Все так часто жаловались друг на друга, поливали грязью, распускали слухи, косо пялились в толпе, что я поняла – мне нужно с кем-то подружиться или начать отношения. Эти два события всегда у всех заканчивались и в скором времени приносили массу холода.

Тогда я завела двух подруг. Но что-то пошло не так и всё вышло из-под моего контроля. Мы дружили года три. И мне нравилось. Это чувство защищённости, уверенности, что человек из толпы людей выбрал именно тебя, что он терпит все твои психки и помогает всегда, когда на пути трудности. Но и этому счастью пришёл конец. Кто-то пустил обо мне непристойный слух, его сильно перевирали друг другу. Тогда мои подруги поверили не мне, а толпе. Я поняла, что это и был тот самый момент, которого я так ждала. Но холод был не такой. Он не был пугающим. Он просто приносил боль.

Я решила, что раз с дружбой не вышло, нужны отношения. Вернее, их разрыв. Я даже влюбилась ненадолго. Такой он был милый. В нём не было ничего из того, что нужно было для длительных отношений, и меня это более чем устраивало. Конец был близок, мы расстались. Но произошёл непредвиденный поворот: расставание меня обрадовало, причинив

боль другому человеку. Я сделала всё возможное, чтобы помочь ему. Мы стали друзьями, и со временем его чувства ушли. Я была снова рада.

Оставалось найти тот самый способ выйти к Ненасытному океану. Перебирая варианты, я пришла к выводу, что единственный способ – настоящая любовь. Но ведь её не найти. Никто даже точно не может рассказать, как она выглядит, потому что у всех видение её разное. Решение задачи откладывалось. Шло время, и я уже совсем отчаялась. Но как раз в такие моменты это и случается.

Мне приснился сон, в котором я гуляла по Москве с человеком, лицо которого мне было до жути знакомо. Мы обнимались, ходили за руку и постоянно целовались. Словом, вели себя так, как обычно ведут себя влюбленные. Я проснулась в хорошем настроении, коего у меня давно уже не наблюдалось. Целый день я проходила с мыслями о том, как было бы здорово, будь сон явью. А вечером он подписался на меня в инстаграмме. Оказалось, мы вместе ходили в музыкальную школу. Я вспомнила его, и с того самого момента не могла перестать улыбаться.

Вот так всё и началось. Слово за слово. Сообщение на сообщение. Признание на признание. Мы решили не торопиться, потому жили далеко и почти ничего не знали друг о друге – мы ведь не виделись лет пять. Но уже через неделю признавались в чувствах так часто, что если бы вы разбудили меня ночью, первой фразой было бы «я люблю тебя».

Мы вместе просыпались и вместе ложились спать, вместе гуляли и вместе решали уроки. Но потом случился переломный момент, который явно утвердил в моей голове, что мои признания – искренность. Описать это ощущение невозможно. Ты просто знаешь это.

Так в чём было дело. Я была невероятно опечалена тем, что успехи в учёбе, которых от меня все так ждали, я не оправдывала. Гадкое чувство начало переполнять всё тело, поднимаясь от пяток до макушки. Глаза наполнялись слезами. Я написала лишь одно предложение ему. «Чувствую себя подавленной». Он успокаивал меня два часа. И, знаете, никто не говорил ещё мне таких слов, никто не вселял столько уверенности. Хотя, возможно, дело было не в словах, а в том, кто их говорит. Стало совершенно спокойно.

Всё было так красиво, что чувствовался подвох. Мама не верила в то, что у нас любовь. Никто не верил. Только мы это знали. Он был моим самым лучшим другом, самым близким человеком, находясь так далеко.

В какой-то момент он просто пропал. Это было как ампутация. Я не могла встать с кровати. Его не было рядом. Его не было ни в одной соцсети. Он сбежал от меня. Его не было. Я оставалась одна.

План сработал, но итог вышел страшнее, чем я ожидала. Я нашла этот самый ненасытный океан.

Любовь – самое голодное чудовище. Океан забирает только тела. Любовь оставляет вам плоть, но забирает то, без че-

го тело не имеет смысла. Она забирает душу.

Глава

II

Я тысячи раз пыталась доказать себе, что забыть его – дело пяти минут. Но мне понадобилась на это вся жизнь, и я не могу уверить вас в том, что достигла в этом больших успехов.

Депрессия. Даже слово какое-то неприятное, хотя в фильмах это состояние выглядит так романтично и красиво. Я часто задумывалась над тем, почему у меня не случилась депрессия. Не могу сказать, что это было бы проще, но в депрессии я могла бы просто сдаться и закончить историю. Мой организм успел воспроизвести защитную реакцию.

Он не бросил меня.

Он приехал и вытащил меня из этого состояния. Я уже говорила, что в переломные моменты такое случается. Так вот это мой любимый момент в жизни.

Дальше, стоит ли описывать, несколько дней были как в том сне, когда он дал мне о себе знать. Мы гуляли по раскалённым улицам города, прячась в тени переулков между частными домами. Вечерами мы не смотрели закат. Да и зачем нужен закат, если рядом с тобой есть нечто невероятное и невообразимое? Следующие несколько недель я даже не помню, была ли дома. Мы, кажется, все ночи проводили на крышах и освещённых яркими фонарями парках. Единственное, что я точно помню – мы только и делали, что говорили. Нашу болтовню прерывали только исчезающие при-

ливый нежности и внезапные желания лишних прикосновений. Мы целовались столько, что иным на всю жизнь хватило бы.

Я пришла через, кажется, три недели домой.

Лицо матери... я запомнила его на всю жизнь. Пустые выцветшие глаза и в тон им седые волосы. Отец сильно похудел и словно стал меньше ростом. Они не объясняли мне, что произошло. Папа быстро схватил телефон и пробежал мимо меня на улицу. Мама истошно закричала, падая на пол. Картина впечатляющая. Я никак не могла понять, что случилось, и стояла в оцепенении. Я очнулась только тогда, когда за руку меня схватили крошечные горячие пальчики моего брата. Он плакал. Обняв меня, он поведал мне историю так, как понял из криков родителей.

Они считали, что я больна. Что я помешалась на влюблённости, на человеке, и не могу выти из этого состояния. К сожалению, это всё, что я узнала о себе на тот момент. В следующую секунду, после того, как братик обвинил меня в сумасшествии, меня схватили двое крупных мужчин, всадив в ягодицу шприц.

Глаза мои подняли спустя несколько суток, как я поняла. Вокруг не было ни души, и не было слышно ни звука. Комната была совершенно белая. Из мебели только койка с какими-то странными креплениями по бокам и тумбочка напротив. На ней – стакан воды и подсолнух в вазе. Я снова опустила веки и принялась размышлять. Я определённо не

сошла с ума. Будь я больна, меня бы уже давно отловили где-нибудь на улице и отвезли в психушку.

Психиатрическая лечебница. Вот, где я. Эта мысль ударила меня, как током. Я попыталась вскочить с кровати, но одна моя щиколотка оказалась закрыта металлическим креплением, прикованным к кровати. Я попыталась её расстегнуть, увидев небольшую замочную скважину. Вернее, я попыталась дотянуться до неё, но сил хватило только чтобы сесть в кровати. Я повалилась на спину и утонула в потолок. В комнату вошли. Я закрыла глаза, потому что не хотела видеть этого человека. Наверняка, какой-то врач, который будет расспрашивать о том, что он и так знает из моей медкарты, а потом говорить шаблонные фразы, чтобы успокоить и расположить пациента.

– Только у него ничего не выйдет, – подумала я, – ни слова ему не скажу. Я положила рот на руку, ознаменовав тем самым, что ему не будет отправлено ни единой мысли из моей головы.

На мою кисть легла тёплая мужская рука. Я почувствовала знакомый запах. Это был он. Он, я точно знала. Слезы катились по вискам, когда я подняла веки. Совсем настоящий.

– Вот же он, мама! – хотелось мне крикнуть, – Я не сумасшедшая, пап! Заберите меня домой...

Я подвинулась к краю кровати, чтобы он лёг рядом. Мы были вместе следующие...хм, не знаю, сколько времени. Но я бы провела так всю жизнь.

– Всё в порядке? – спрашивал он.

– Да, – слышала я свой голос, – но мне немного страшно.

– Когда я рядом, тебя никто не обидит...

За окном темнело. И, когда света совсем не стало, и мы могли чувствовать друг друга только на ощупь, случилось ещё одно яркое событие. Мой первый секс. Наш первый. Ещё и в психиатрической больнице. Такой гаммы эмоций я не испытывала ещё ни разу, но ощущение, что мне хочется его ещё больше, не покидало. Мы тяжело дышали, прижимаясь друг к другу потными телами, и, иногда, когда наши губы переставали соприкасаться, он прикладывал лицо к моей шее, груди...

Когда всё закончилось, мы лежали, обнимаясь. Из одежды – общее одеяло. Что может быть лучше, чем вот так лежать вдвоём, когда никого нет рядом?..

Я быстро уснула и так же быстро проснулась. Его не было рядом. Снова. Я запаниковала.

– Сейчас придёт, – промелькнула мысль.

Но он не вернулся. И даже, когда снова стало темно, его не было рядом.

Я не помню, что делала дальше, но мне показали видеоматериалы из моей палаты, снятые сотрудниками за прошедшие несколько дней. Ни в одном из роликов не оказалось его, а я просто лежала долго время на кровати. Не шевелясь и почти не дыша. Затем я села в кровати, а потом снова легла. Спустя некоторое время – то же самое, но лицо растерянное.

Я плачу и истошно кричу, пытаюсь вскочить с кровати и постоянно кричу его имя.

Приходит человек в розовом халате и вкалывает мне укол. Я дотронулась рукой до ягодицы – там точно синяк. Всё следующее время я лежала без движения.

– Что это? Почему она так себя ведёт? Что с ней? – спрашивала я докторов. Один из них положил мне руку на плечо и сказал:

– Однажды мой друг попал в автокатастрофу. Ему пришлось ампутировать всё предплечье, но плечевая, верхняя часть руки, осталась, – доктор был абсолютно лысый с густыми, срастающимися бровями, которыми активно шевелил в процессе речи, отчего периодически можно было рассмотреть его глаза.

– Так вот, если бросить какой-нибудь предмет моему товарищу, он попытается поймать его обеими конечностями. Остаток руки тянется тоже, как защитная реакция. Организм не осознаёт, что он нецелостен.

Я не сразу поняла и была, погруженная в мысли, снова прикована к кровати.

Мой организм так и не понял, что Его больше нет. Мозг пытается воссоздать. Его нет. Это защитная реакция.

Глава

III

Когда я была младше, мною было замечено интересное обстоятельство. Почему, когда падаешь на асфальт и под

ранку попадает осколочек камня, он хорошо и быстро заживает кожей, хотя организму эта мелочь, по сути, незачем? Но, когда доктор ставит вам в рот пластины, которые должны выровнять ваши зубы, тело страшно отвергает эту ортодонтическую помощь. Во сне язык сам снимает этот спасительный кусочек металла и пластмассы, а днём по губам так и норовят потечь слюни, которые просто-напросто не успеваешь глотать. Странные защитные механизмы. Почему-то именно сейчас, лёжа в пустой мягкой комнате, я вспомнила эту детскую головоломку, которую решить мне так и не удалось. Пальцы потянулись к коленке. Приглядевшись, можно было хорошо наблюдать крошечное тёмненькое пятнышко и даже рассмотреть форму приросшего ко мне инородного тела. Затем, я потрогала свои зубы. Всё такие же кривые, как в детстве. Нельзя исправить то, что ты сам не даёшь изменить. Я сама не давала зубам выпрямиться. Я сама воссоздавала себе Его. Но ради чего? Не думаю, что это стоит делать ради того, чтобы победить депрессию. Но зачем тогда? Это так и осталось для меня нерешённой задачей. Не на все вопросы, которые задаёт ребёнок, можно ответить. Иногда дети видят мир сразу таким, какой он есть: необъяснимым и бессмысленным.

Моя жизнь разделилась на две эры – до и после Него. И из второго периода я не могу рассказать вам ни одной ситуации, в существовании которой я была бы уверена.

Ко мне часто приходят доктора и просят не называть их

так. Они называют себя моими друзьями. Но что за друзья держат вас маленькой комнате, стены которой обиты старыми потемневшими от времени матрасами? Хреновые друзья у меня.

Чаще всех приходит высокая тощая женщина с длинными чёрными волосами. Она мне как лучшая подруга: я рассказываю ей все свои переживания и новости, а она покорно слушает, периодически что-то записывая в небольшой узкий блокнот. Её зовут Лизой. Она даёт мне такой же блокнот для записей, когда приходит ко мне; я оставляю в нём какие-нибудь пометки о сегодняшнем дне под её надзором. Карандаш, правда, очень тупой, и им трудно писать, а рисовать и вообще не представляется возможным. Лиза говорит, что это для нашей с ней безопасности. Но неужели она правда думает, что если человек на столько отчаялся, что готов покончить с жизнью при помощи любого подручного средства, он не справится с затупившимся карандашом?

Затем Лиза уходила. Это был знак, что сегодня ко мне уже никто не заглянет. Я оставалась тет-а-тет со своим организмом-лжецом. Мы вместе размышляли, а потом успешно всё забывали, и к следующему приходу докторов я уже не помнила почти ничего, кроме своего имени.

Одно из посещений докторами моей тихой комнаты запомнилось мне особенно красочно. Я назвала его Первым Днём Жизни.

Глава

IV

Две невысокие медсестры вошли в мою комнату. У одной – растрёпанная причёска, другая – довольная до чёртиков и с яркой краской на щеках. Они стояли на входе и смотрели на меня так, словно у них есть для меня какая-то приятная новость.

– Хоть бы меня отсюда забрали, – пронеслось в голове.

Но меня ждала всего лишь ежедневная процедура: пара уколов и приём пищи. Когда обе девушки выходили, я спросила, что у них случилось. Они громко захихикали и убежали, хлопнув дверь. Медленно пережёвывая остывший омлет, я думала о них. Это состояние казалось мне знакомым, но прямого воспоминания не было, лишь знакомые ощущения. Я доела, вытерла пальцы салфеткой и поставила картонную тарелку у двери. Легла спать, но уснуть не получалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.